

Татьяна Немшанова
Татьяна Немшанова

Таёжные были

Татьяна Немшанова

Таёжные были

<https://litres.ru/74460802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Таёжные были. Рассказы о реальной тайге Крайнего Севера Западной Сибири, ХМАО Югра, Зауралье, Приполярный Урал. Написано на основе дневников. Мемуары.

Содержание

Глава 1. На лезвии ножа	4
Глава 2. Ветер засыпает в листве ольшаника	11
Глава 3 . Сквозь туман.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Немшанова

Таёжные были

Глава 1. На лезвии ножа

Фрагмент дневниковой записи: "Влекомые Марсом", Рож-
дённые под Марсом". Таёжная быль. Мемуары.

Когда очнулась от гипнотического сна, запалила в палатке свечу, печь, бересту, - зверь не убежал, а лишь затих, терпеливо ожидая на выходе человека, чтобы прыгнуть со спины. От тотального прыжка его удерживало ружьё в руке и пламя бересты. Огня зверюга не боялся! К виду костра, к запаху копчёности хищник привык, они говорили не об опасности, а о еде. Шатун научился шариться по костровищам, по таёжным избам охотников, побираться остатками трапезы человека. Когда я вышла из палатки, стояла у костра с топором и ружьём, нас разделяло расстояние в три метра! Медведь высматривал меня из-за угла моего жилища. Я же, его не видела из-за стены поленницы дров, ночного мрака, однако чувствовала пронизывающий взгляд и смрадный запах самца.

Дрова в поленнице лежали неплотно, и сквозь щели меж чурок, хищник наблюдал за каждым шагом потенциальной жертвы, выжидая, когда отойду от огня и повернусь к нему спиной. Внезапный раскат выстрела (последнее, на что я надеялась, чтобы спугнуть) напугал шатуна. От неожиданности он резко дёрнулся, задев неустойчивую поленницу передней левой лапой. Верхние две большие чурки, что неустойчиво, чуть свесившись, лежали, прислонёнными к стене и к каркасу палатки на углу, свалились с полутораметровой высоты точно на голову и на хребестину зверю. При весе под десять килограмм они больно шмякнули охотника по «башке». От испуга и неожиданности медведь взвился ввысь, распрямившись. Всяческие жерди, что я не убрала,

ремонтируя балаган, заставили его крутануться волчком при развороте, отчего задницей толкнул поленницу и, та с грохотом стала разваливаться в сторону костра - ко мне. Медведь скакнул с места на расстояние в семь метров, потом ещё на пять (как утром выяснила по следам) от балагана в сторону леса и галопом умчался подальше в непроходимые безлюдные болотные места по хорошо ему известному направлению. Оттуда он и пожаловал накануне, ночью. Подобного оборота охоты на человека, людоед не предвидел.

Успокоившись, накатила в огонь сосновых чурок – они дольше горят. Села к костру на чурбачок. В лесу – тихо! Собака успокоилась, перестала метаться. Небо разъяснилось и засверкало звёздами. Звёзды переливались цветами радуги. Над логом повис оранжево-красный диск с ровным огненным свечением – планета Марс! Он неизменно тревожил и успокаивал одновременно. Мне нравилось ночами в притихшей тайге смотреть на звёздное небо, на жёлтый Сатурн, на голубой ледяной Юпитер, жемчужно-белую Венеру и на огненный Марс.

Марс на небе появлялся нечасто. В деревне редко представлялся случай лицезреть Вселенские тайны. Домашняя суета не способствует наблюдению за небом. А здесь, небесное светило восходило над макушками погрузившихся в сон деревьев, на юге, над склоном лого. Марс напоминал притухший уголёк костра, светящийся в черноте осени. Первое время он выходил на час, едва поднимаясь над головами сосен.

Позже – надолго зависал над склоном напротив входа в балаган. Марс почему-то вселял беспокойство, тревогу, немного пугал. - Может, из-за славы, сопровождающей планету – вестника войн, врагов, битв?!..

- До рассвета далеко! Завтра трудовой день. Надо отдыхать! - Отвожу взгляд от звёзд. Сердце бьётся ровно. Мозг – чист. Встаю, захожу в палатку; подбрасываю дров в печь, поправляю фитиль свечи и, не раздеваясь, не снимая болотников, патронташ и ножны с ножом, залезаю на спальник; укладываюсь: топор и ружьё под руками!.. Крепкий спокойный сон до утра уносит нехоженными вселенскими тропами.

Жуткий леденящий страх, что существует на грани между жизнью и смертью, охватывает человека перед силой, превышающей собственные резервы. Однако, со временем, он становится обыденностью, неотъемлемой частью таёжного странника, путеводная звезда которого – Марс. Влекомые Марсом не ищут проторенных дорог. Они упрямо идут туда, где жизнь на лезвии отточенного ножа.

Подумалось:

- Любовь приходит к тем,

Кто её ищет.

Испытания приходят к тем,
Кто её нашёл.

Глава 2. Ветер засыпает в листве ольшаника

Ещё раз подбрасываю валежник в костёр, надеясь, что дым отпугнёт медведя, - хотя бы в эту ночь! То, что он наведается, и уже где-то бродит совсем рядом, сомневаться не приходится. Серый давно озадаченно прислушивается, принюхивается, чуя «хозяина» в болотных буераках, тревожась не попусту. Прикрыв добычу мхом, до тошноты устав, иду на ночлег в «балаган». Ярко красная листва осин, золото берёз ковром устилают тропу.

- Как гармонично здесь, – в лесу! – Иду, глядя под ноги, а мысли приходят странные: «Наша жизнь – то всего лишь путешествие. А мы... – лишь странники в земном мире».

День успокаивается. Ветер засыпает в листве ольшаника. Заходящее солнце последними бликами освещает стволы сосен. Приглушённо бубнят, перелетая, молодые совыта – сплюшки. Птенцы, рассаживаясь в надвигающемся сумраке по веточкам, кажутся плюшевыми игрушками, пушистыми рукавичками с крохотными мягкими ушками. Их круглые головки, с вечно удивлёнными круглыми глазами, смотрят вдаль. Совята почти не пугаются меня – привыкли, родившись рядом. Любопытные, они даже подлетают ближе, чтоб рассмотреть человека. Самые бойкие из них планируют мне на голову, пытаюсь сесть и, не решившись, усаживаются рядышком – шишками, на ветке сосны, ближайшей к моему логову.

Почему-то вечерние звуки принято называть тишиной, – может потому, что успокаивают?.. Лесная тишина неизменно завораживает, наполняет душу покоем, воспоминаниями, раздумьями, а в молодости – ещё и мечтаниями. В зрелые годы мечты навещают реже, чаще приходят воспоминания. Быстро летит время, особенно в лесу. Лишь не сведущим в таёжной жизни кажется: «Там нечем заняться», - ты, наверное, в лесу спишь сутками?!... - То не столь вопрос, а обидное обвиняющее утверждение, вылетевшее с уст той, кого много

лет принимала за единственную подругу. А спустя годы она подставила к горлу нож и в прямом, и в переносном смысле. Выяснилось, - подруга, оказывается, дико ревновала, привязавшись ко мне уже не как к подруге... Когда до моего мозга наконец-то дошла суть участившихся истерик, - ушла резко, без объяснений, - безвозвратно. ...Кто бы мог подумать, что подобное явление не выдумки?!.. – Вероятно, - от меня постоянно пахло лесом, кострами – не женским ремеслом.

Сколько б ни был бесконечен день, он кажется коротким, а ночь наступает неумолимо внезапно. Вот и сейчас не заметила, и в хлопотах прошёл день, за ним пройдёт ещё день, его сменит следующий. На «лесные» труды уходит уйма времени и сил. И вроде бы, ничего особенного не делается, а с утра до ночи руки и ноги непрерывно суетятся, - не позволено загубить добычу, - слишком ценна жизнь, чтобы потерять даже частичку!

Фотографии Татьяны Немшановой разных лет

Глава 3 . Сквозь туман.

«...Туман, туман...На прошлом, на былом.Далеко за туманами наш дом...», - слова песни, давно не исполняемой никем.

Последние числа сентября. 2010 год. Югорская северная тайга. Утром плюс один тепла. Вечером – тот же - плюс один. Густой туман окутал лес. Тихо. От тишины гудит в ушах –

слышу работу клеток своего тела. Ни дуновения! Листики на берёзах, словно сами собой висят в воздухе. Они- желты, а веточек не видно. Их окраска сливается с цветом тумана, растворяясь. Рябчики пересвистываются семейками, тинькает синичка, дятел постукивает. Кошка Муська, выпавшись на моём спальнике, томно потягивается, - как и Бим. Тот лениво выглядывает из конуры. А Мусьена ноченьку спала в ногах хозяйки, свернувшись клубком - грелкой. Сейчас прошлась по избе до лакушки, поела мяса.

На реке - густой туман. - Непроницаемый! Вышла на берег: не видно берегов – ни моего, ни противоположного, не видно и леса. - Ощущение сырости и снега стойко пронизало пространство. Очки и те запотевают от влаги. Дружка вышел на берег и растерялся: ничего не видать! Словно – ослеп! Да же пёс не понимает, что происходит, - куда подевался мир?!..

Идём вверх по реке, по каменной косе. Холодно! Сыро! Под ногами ещё попадают на галечнике, среди круглых камней фиолетовые колокольчики. Цветы необычно смотрятся посреди безжизненной пустоши поздней осени Севера. Непривычно фиолетового цвета, они замерли на тонюсеньких ниточках - стебельках, - низенькие, замёрзшие и... – живые! Цветы смотрятся, как невидаль, в хаосе безжизненности камня, холода, сырости, густоты ослепляющего глаза и мозг тумана.

Реже, на ледяной гальке встречается одинокий выживший в осени кустик тысячелистника розового. На Южном Урале

тысячелистник- белый, а у нас, возле гор Приполярного Урала, он красиво-розовый. Он по-прежнему, как и летом, приятно пахнет. На Урале, в детстве, называли его «кашкой». - С красивыми резными листьями. Как и колокольчики, - цветок низкоросл, едва виден среди валунов аллювия горной реки Маньи. Встретила и одинокий цветок курильского чая на засохшем в зиму кусте. Листочки растения посерели, сырые, а запоздалый цветок - ярко жёлтый, в пять лепестков, до сих пор цветет, словно солнышко, несмотря на непогодь и холод, удивляя стойкостью жизни.

По гальке и валунам идти нелегко. – Скользко! Ноги непрерывно раскатываются, отзываясь болью; ставятся, - как попало. Решаю просто прыгать по крупным камням, выбирая их среди галечника. На время так передвигаться даже легче, однако рискованно подвергнуть ногу, разбиться о камни.

В тумане, напуганные нашим вторжением, громко расчирикались мелкие птицы и рябчики, кричат пронзительно кедровки. Мелкие птицы кучкуются в стайки, готовясь к отлёту на юг, оттого и заголосили, словно весной. Малые птицы перелетают с тонких веток на веточки пожухлого ивняка - тала. Одна птичка не заметила идущего человека в камуфляже, в густом молоке тумана, бедолага летела навстречу – низко и чуть не врезалась в меня с разгону; думала: я - куст. Пичуга - пёстренькая с желтизной. Названия не знаю. Размер с воробья. – Северная, певчая, перелётная.

В тумане кликнул одиноко невидимый гусь и полетел, хлопая крыльями, с реки, через лес: сидел на воде, отдыхал, отбившись от стаи. Очки запотели, а без них гуси у меня раздваиваются, — такова специфика астигматического зрения. - Невозможно рассмотреть. Раньше надо мной подтрунивали мужики бывалые гусятники, спрашивая: «А как стреляешь?... — посере́дке?... Потом поража́лись, спрашивая: «Ты, когда-нибудь мажешь?!...».

Дружка залаял впереди, да подойти к птице не получилось: далеко, галька шумит под ногами. И я иду по открытому пространству. Река, несмотря на дождь, совсем обмелела. Навстречу, по центру реки, пролетел крохаль. Сколько ни высматривала уток - у берегов не сидели. Туман скрывает птицу, — от камня не отличить в упор.

Дружка опять залаял впереди, по ходу, уже на склоне предгорий. Крадусь. На берегу, в тайге, мох мягкий, сырой, хорошо глушит шаги. Пытаюсь спешить бесшумно: Дружок работает! Стайка рябчиков, увидев меня, устроила переполох. Рябки — молодняк, расселись на деревьях, перелетают. Кедровки, поддавшись общей птичьей панике, словно сороки, загалдели на весь мир, залетали, сообщая всему лесу о моём вторжении, - предупреждают таёжное братство о невидимой в тумане опасности. — Чертыхаюсь про себя, молча: птица сойдёт!

Однако Дружка - молодец! - Не поддался на птичью провокацию и ровно лает на кедр. Голова поднята вверх, хвост

виляет, тем самым обозначает место, где сидит птица. Опустив голову, полусогнувшись, прячась за деревьями, медленно крадусь, а пёс мне глазами показывает, где точно в ветках старого кедра дичина прячется. Удачно подошла. По направлению взгляда лайки увидела тёмное пятно в мохнатых ветках. Однако не понять: «Ветка или птица?..». Хорошо, что та слегка пошевелилась, и качнулась веточка. Сразу стреляю, - выпала капалуха.

Дружка рад - радёхонек, и я рада. Давно – пусто, ходим порожняком. Укладываю птицу в пакет, чтоб не кровила, не пачкала рюкзак, пакет - в рюкзак. Достая из патронтажа патроны. Выбираю тройку контейнерную – та кучно бьёт, в густых ветках надёжнее пробивает, перезаряжаюсь. Дружка сидит у рюкзака и всё пытается в него залезть, - удостовериться, что птичка не улетит. Пёс очень боится, что дичь оживёт и улетит из мешка хозяйки, что редко, однако случилось! Обидно, когда хорошая еда тихо себе лежит бездыханная, и вдруг взлетает на глазах у расслабившихся охотников и улетает. Дружок опасается, что его труд напрасен, сильно волнуется, возбуждён от удачи и долгого многодневного поиска впустую. Глажу по пушистой голове, успокаиваю, долго хвалю: «Умница!». Пёс... - насквозь сырой! Шерсть – мокрая, едва не капает.

Разворачиваюсь в обратный путь. Туман плотнеет, ни зги не видать! Собственных рук перед глазами и тех не видно. Слепну! Редко подобное явление в природе наблюдает-

ся. Первый раз вижу подобный туман и тем более, - впервые хожу, точно ёжик из мультика, - в тумане.

Иду по знакомым местам, где водится дичь, по кедровому тёмнохвойному прибрежному бору. КедрЫ – старые, толстые, разлапистые! В этом месте сокращать путь рискованно: место крепко блудливое даже в солнечный день. Дружка опять лает. Думаю, что глухарку: в этом направлении, судя по звуку, слетела птичка. Неспеша иду к месту посадки, - темно! и мягко под ногами. Двигаюсь почти бесшумно. Вижу только тёмное пятно в ветках кедрИны. Стреляю. Падает – глухарь! Молодой, как и определила по звуку крыльев. Кладу в другой пакет. Дружка возражает, не даёт положить в рюкзак, - хочет кусочек мяса. Отрезаю от уже остывшей копалухи лапку. Так обычно поступают тут, на Севере, так давно научили меня местные парни – охотники, с кем работали в геологии. Дружка выголодался, мгновенно с аппетитом съедает. Лапки одной мало. Только уходим. Он понимает: так надо! Поедим вдосталь дома теперь! Хватит еды всем!

Кедровый бор переходит в старицу. Места мало знакомые, здесь и в солнечную погоду стараюсь не ползать. – Места топкие! И внезапно теряю направление! Пошли незнакомые болота, топи, ручьи, кустарник непролазый, берёзка, кочкарник, вода. Пытаюсь перейти, и не получается! – топко и глубоко! Глубина ручьёв даже узких, может достигать метры! До десятка метров! Таково свойство термокарста. Вечная мерзлота, протаивая, водой ручьёв вымывает русло с глуби-

нами в метры, а то и в десятки метров, вскрываются глубины древних мезозойских морей, законсервированных на сотни миллионов лет льдами подземными.

Дружка вновь лает птицу – подсёк выводок глухариный. Возвращаюсь обратно, хотя уже почти перешла ручей. Однако сейчас скрадывать птицу не стала. Наоборот, иду открыто, предельно шумно, чтоб специально спугнуть глухаря. Необходимо, чтоб птица сошла, мною напуганная и ушла далеко, иначе Дружка не бросит, будет работать, не понимая, что мне сейчас не до охоты. - Я окончательно заблудилась! Нести двух глухарей и то – тяжело, то более пяти килограмм! Третья птица – лишняя! А не спугнуть, - Дружка никогда добровольно не бросит сам, тем паче, что молодняк прочно сидит в тумане, не перелетает.

Впереди вижу какой-то бугор... - круглый. Поднимаюсь на него, однако надежда не оправдалась: «Не берег реки!». Останавливаюсь, извлекаю из рюкзака топографическую карту участка и компас. И понимаю, что крупно врюхалась в болота непролазные. Там – кругом петляют старицы Маньи, озера. Их не обойти, и кругом - непереходимые топи; глубокие ручьи и бесчисленные озерца – термокарст с буграми. - Гибельные места! Всегда обхожу!

Решаю выходить обратно. Возвращаться обратно... – это значительной многокилометровый круг, – день ведь шла! Значит, и на обратный путь потребуется день - столько же часов, чтоб выйти обратно на реку. Да иного выхода нет. На-

прямую на избу в туман сквозь топи и старицы выйти нереально. Как говорят в таких случаях: «Умный в гору не пойдёт – умный гору обойдёт». А тут: «Умный в болота не пойдёт, умный кругом топи обойдёт».

В итоге, скрипя сердцем, закладываю круг и ощущаю, что тут уже недавно шла. До мозга доходит: ухожу на повторный круг, окончательно заблудившись в тумане. У людей есть свойство: правая нога у него сильнее левой. И при блуждании по тайге человек делает чёткий круг, выходя в исходную точку с точностью до одного - трёх метров. – Поразительная особенность! Кругами, блуждая, по тайге можно ходить день и дни, пока не увидишь свои же следы, и не убедишь своё разум, что след именно твой, а не чей-то! Во что крайне сложно поверить даже, обладая значительным таёжным опытом и знаниями. По этой причине, лишь только теряешь направление, делаешь затесь ножом на дереве, или подламываешь кусты, ветки. По ним и понимаешь, что блуждаешь, крутясь часами по кругу на одном месте, ибо неизменно возвращаешься на свои же затеси. Отчего приходишь в изумление, до головы не доходит подобная реальность.

Чтоб вновь не уйти на круг, иду по компасу, держа в руке. Шагаю на северо-запад – обратно - в горы, пытаюсь выйти из низинных болот на возвышенность. Иду в строго противоположную сторону от избы, наматывая лишние километры. Понимаю: «До завтра при таком раскладе можно не успеть вернуться в тепло. Готовлюсь мысленно ночевать «под кед-

рОй». Другого варианта нет. - БолотА мне не перейти в тумане. По гиблым местам и в ясную погоду не рискую ходить – сплошные бездонные топи! Выход единственный: вылазить – подниматься в отроги Урала, и оттуда уже по твердому горному скату выйти на реку.

Крайне сложно пересилить себя и решиться идти назад – от дома, в неприветливые горы, а не ломиться напропалую вперёд, вопреки разуму. Душа буксует, уговаривает идти напролом, а мозг тормозит чувства паники, безумства безрассудства. Чрезвычайно трудно: ведь по расстоянию уже нахожусь на полпути до дома. И, если б не туман, то решила пробираться сквозь низину стариц по узким перешейкам. А теперь заставляю себя шагать строго назад, наматывая километраж и теряя световое время, физические силы. По времени, - день пошёл в ночь, а марево тумана не отступает – властвует над тайгой. Иду по компасу. Мерещится: «Вроде бы, шумит река?..». Осознаю: она совсем рядом, только – где?.. – в какой стороне?.. - не понять. Река петляет, и можно промахнуться. Звуки обманчиво поглощает туман. Кругом – бор, тёмнохвойный урман. Маковок деревьев и тех не видно, они исчезли в непроницаемой пелене. Сами кедровые – и те не видать! Подхожу в упор к старому дереву, только тогда различаю, словно призрака. Зрение почти не помогает ориентироваться, едва различаю собственные ноги. Все чувства обострены. И неожиданно чувствую носом, кожей лица влажность, специфичную речную прохладу; с каждым шагом

она резко увеличивается, заметно похолодало. Решаю: «Рядом река! ... определить бы ещё... - где?!...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.